

А.В. Личутин
студ. ф-та управления

**ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН В РОЛИ ТЕОРЕТИКА
И КРИТИКА СОБСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА**

В 1918 году в стихотворении «Финал» Северянин пишет следующие строки:

Поэма жизни – не поэма:

Поэма жизни – жизнь сама!

Оставив в стороне обобщающий эффект этой заключительной фразы, проанализируем все её возможные смыслы. Во-первых: поэма жиз-

ни (её упоенное, характерно северянинское восприятие) – не является поэмой, т.е. упоение не надуманно, а представляет собой подлинную *жизнь* (то, чем живёт) Северянин. Но широко известна его непритязательность в повседневной жизни, которой Северянин явно не мог упиваться непрерывно. Тем более, он не мог всерьёз утверждать, что понимает под настоящей жизнью лишь наслаждение редкими минутами красоты, а вся остальная жизнь – несущественна, так как не несёт в себе «поэмы». Во-вторых: жизнь *сама*, в своей самобытной текучести, является тем материалом, из которого соткана её поэма. Жизнь есть эстетическое и даже поэтическое произведение. Но какая необходимость, в таком случае, конструировать весь северянинский «галантный мир», какая необходимость во всех его виконтессах, гастрономических изысках, балах, и, главное, зачем тогда искать в жизни *загадку*? Остаётся третий смысл: если Северянин принимал бесконечно любимые им поэвечера, поэзоконцерты, знаменитые воротнички «торреадор» и поездки на мызу Ивановку за реальную жизнь, за значимые события, *имеющие полное право быть* в современных ему условиях, – то он просто спасался бегством от настоящей жизни. В 1912 году, когда произошли Ленский расстрел, восстание в Ташкенте и т.д., Северянин пишет свой «Шампанский полонез» («Шампанского в лилию! Шампанского в лилию! // Её целомудрием святеет оно...») – одного этого уже достаточно для диагноза абсолютной социальной слепоты, который ему ставили многие литературоведы.

Однако Северянин, по замечанию А.Урбана, обладал вполне трезвым взглядом на вещи. Действительно, без чёткого, почти сухого осмысления реальности невозможна никакая поэзия, никакое возвышенное творчество. Но Урбан делает из этого совершенно необоснованный вывод: Северянин сознательно создавал свою личную утопию.

Здесь мы сталкиваемся с парадоксом, из-за которого и Северянин, и все его критики так и не смогли понять, как можно искренне верить в содержание своих невесомых «*поэм*» и «*акварелей*» и в то же время ясно понимать всё происходящее в России 1910-х годов. Именно парадоксальная природа такого творчества в эпоху культурного перелома делает все мыслимые интерпретации строк из «Финала», как мы только что убедились, насквозь противоречивыми. Основой непостижимо-го сообщения между поэтическим миром (*Игры*) Северянина и его вполне отчётливым пониманием социальной реальности выступает ирония. Ирония, по С.Кьеркегору, уже принадлежит области бесконечного. Поэтому всякая попытка уложить в логическую схему соотношение действительности и мира *Игры* в творческом восприятии Северянина –

заведомо обречена на неудачу. Это тонко почувствовал К.И. Чуковский, избрав для своей критики произведений поэта абсолютно адекватный стиль: ироничный и насмешливый. В этом смысле неизбежно проигрывает и остаётся неполным, незавершённым, например, анализ Ю.В. Бабичевой.

Фрагменты, подобные строкам «Финала», достаточно часто встречаются у Северянина. Цикл своих стихотворений 1909–10 гг. он метко называет словом «Лироирония». Но, безусловно, зная о неисчерпаемых противоречиях иронии, продолжает постоянные попытки теоретизирования в стихах: «Топчи, моя тройка, анализ, рассудочность, чинность!..» Несмотря на удивительную точность образа тройки во всём контексте строки, здесь мгновенно теряется всё обаяние свойственной Северянину красоты и музыкальности *звука*. Этот признак вернее всего выдаёт те стихи, в которых он старался действовать преимущественно через рассудок. Ирония исчезает; исчезает неподражаемая, эклектичная и сумбурная Игра, и Северянин принимается за *объяснение*. Но всякий раз – не объясняет ничего. Неуловимая, внелогическая, абсурдная сущность иронии остаётся несхваченной.

Согласно М.М. Бахтину, язык поэта есть всегда авторский язык, поэт целиком погружён в пространство стиха. Поэт не может стать для самого себя методологом, пусть даже и «стихотворным», поэтому не может изложить свой взгляд на мир непосредственно, от первого лица.

Игорь Северянин в качестве теоретика своего творчества не состоялся. Само это уникальное творчество, основанное на парадоксе иронии, всегда оказывается на шаг впереди любого его описания, систематизации и осмысления, подтверждением чему может служить настоящая статья.